

Синхронные переводчики на Нюрнбергском процессе: HUMANI Nihil a me Alienum Puto

Р.А. Матасов

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками стал беспрецедентным событием в мировой истории. По замечанию главного обвинителя от США Роберта Х. Джексона, Международный военный трибунал (МВТ) представлял собой «нововведение и эксперимент» [Нюрнбергский процесс..., 1957, т. I, Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 2 75 с. 277]. В самом деле, никогда прежде не предавались суду преступники, «завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений» [там же, с. 459]. Впервые в истории мировой судебной практики юристы разных стран попытались гармонично объединить в рамках одного процесса юридические традиции и принципы «соревновательной» англо-саксонской и «дознательной» континентальной правовых систем. Наконец, впервые на мероприятии всемирно-исторического значения был применён синхронный перевод.

Сам процесс длился почти год, с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., однако ему предшествовала огромная подготовительная работа, выполнение которой, как, впрочем, и проведение самого процесса, были бы невыполнимы и попросту невозможны без участия переводчиков. Чтобы у читателя сложилось общее представление о масштабе переводческих задач на процессе, приведём следующий факт: записи судебных заседаний и материалы, вошедшие в состав улик, были опубликованы на четырёх языках (русском, английском, французском и немецком) в сорока двух больших томах.

При этом важно избегать крайне упрощённого, шаблонного взгляда на организацию Суда народов. В этой связи справедливы слова российского историка А.Г. Звягинцева: «Нюрнбергский процесс всем кажется бравурным – всё было замечательно, собрались, договорились, главные обвинители от четырёх стран, судьи, адвокаты, всё идёт прекрасно. На самом деле там шла очень большая борьба» [Нюрнбергский процесс: уроки истории..., 2007, с. 39]. То была борьба разведок и контрразведок, фактов и аргументов, идеологий и целых философских систем. Знакомясь с переводами стенограмм речей судей, обвинителей и адвокатов, устных свидетельских показаний и допросов подсудимых, читатель невольно воспринимает их лишь как дословную запись на иностранном языке оригинальных слов выступавших, как продукт сугубо механической работы, нередко забывая о том, что за каждым словом, каждым предложением стоит тяжёлый труд

переводчика, его колоссальное нервное напряжение, предельная сосредоточенность и вдохновение. Хорошо известны пароксизмы гнева и истерики, случавшиеся временами у некоторых подсудимых, известны и эмоциональные всплески в поведении главных обвинителей и судей. Переводчикам же молчаливо отказывают в праве проявлять какие-либо сильные чувства во время работы. Тот факт, что мало кто знает, каково было поведение синхронистов на процессе, свидетельствует об их главном качестве: высоком профессионализме. **Хороший переводчик всегда незаметен.** Тем большую ценность и интерес представляют для истории сведения о нестандартных ситуациях, возникавших в работе синхронных переводчиков в Нюрнберге.

Таким образом, приведённое ниже описание переводческих курьёзов, проказ и даже ошибок ни в коей мере не умаляет достоинства или качества работы нюрнбергских синхронистов, а, напротив, имеет целью показать, что все они, и в особенности те, кто в той или иной мере пострадал от преступлений нацистского режима (а таких было немало), работали на заседаниях не как бесчувственные автоматы. Это были мыслящие и тонко чувствующие люди, в силу специфики своей работы обязанные пропускать через себя мысли и чувства как обвинения, так и защиты.

Отбор переводчиков

В США ответственность за подбор квалифицированных переводческих кадров для американской делегации была возложена на Гильермо Суро, главу Центрального отдела переводов Государственного департамента. Фактически же эту работу выполнял по назначению Суро профессиональный лингвист, полковник Леон Достер, высказавший идею использования синхронного перевода на процессе. Достер выбрал себе в помощники капитана 2-го ранга Альфреда Джилберта Стира и младшего лейтенанта Эрнеста Петера Юбералля.

Многие американские граждане и иммигранты, владевшие иностранными языками, узнавали о готовящемся процессе над главарями Третьего рейха из прессы, от родственников или коллег, после чего решали принять участие в процедуре тестирования письменных и устных переводчиков, отбравшихся для работы в МВТ, поскольку находили эту миссию «уникальным шансом увидеть своими глазами нацистских чудовищ, долгое время терроризировавших весь цивилизованный мир» (здесь и далее перевод Р.М.) [Sonnenfeldt, 2006, p. 20].

Кандидаты, подавшие заявки в Госдеп, направлялись на тестирование к полковнику Достеру в Пентагон. Здесь помощник Достера Юбералль просил их **назвать на родном и иностранном языках 10 деревьев, 10 автомобильных деталей и 10 сельскохозяйственных инструментов**. За этим тестом следовали **более сложные переводческие задания, целью которых было выявление способности кандидатов к устному и письменному переводу, хорошее знание военной и юридической терминологии, а также высокий общий культурный уровень**.

Успешно прошедших вашингтонский тест посылали в Германию. По прибытии в Нюрнберг они отправлялись на собеседование к **старшему переводчику американской делегации Рихарду Зонненфельду**. Сам Зонненфельд в своих мемуарах даёт следующую характеристику некоторым из кандидатов: «[Сотрудники Госдепа], присылавшие их в Нюрнберг из Соединённых Штатов, явно недорабатывали. Многие из прибывших говорили на английском с гортанным немецким акцентом, а на письме калькировали немецкий синтаксис. В речи говоривших по-немецки нередко слышался венгерский и польский акцент. Как-то в мой кабинет бесцеремонно заявился невысокий толстяк и, вытянув вперёд руку в приветственном жесте, танцующей походкой направился ко мне со словами: “Misster Tzonnenfelt, I amm sooo glat to mit you. I speaka da seven linguiches and Englisch dee best” (“Мистер Цоннефельт, я так рат знакомиться с фами. Я знать семь языкоф и англицкий луче всех”). Фраза “Англицкий луче всех” (Englisch dee besst) потом стала нашей любимой шуткой» [ibid., p. 20–21].

Некоторые из кандидатов, признанные Зонненфельдом непригодными для работы в качестве устных переводчиков, не скрывали своей обиды. Как вспоминает сам Зоннефельдт, один из таких «отверженных» впоследствии писал о нём с язвительной иронией: «Там был парень по имени Зонненфельд [прим. авт.: я прощаю ему забытую букву “т” в конце моей фамилии], который, вероятно, являлся самой важной персоной на Нюрнбергском процессе. Наделённый огромной властью, он мог любого переводчика, отобранного Государственным департаментом, отправить назад в Вашингтон с ярлыком “профнепригоден”» [ibid., p. 22].

Другие просто смирились с неудачей и рассуждали так: «Подумаешь! Очень мне нужно сидеть за этой стеклянной перегородкой, как обезьяна в клетке» [Gaiba, 1998, p. 128].

В конце октября 1945 г. Достер и его помощники приехали в Германию, чтобы продолжить вербовку переводчиков уже в Европе и следить за монтированием в зале суда доставленного из США переводческого оборудования IBM. **Будущих синхронистов находили в Швейцарии (в**

основном это были выпускники Женевской школы переводчиков), Бельгии, Нидерландах и других странах, граждане которых обычно свободно говорят на нескольких языках.

Тем не менее всего за месяц до начала процесса проблема квалифицированных переводческих кадров всё ещё стояла довольно остро. В конце концов, французская делегация пообещала доставить в Нюрнберг своих переводчиков к 7 или 8 ноября, а судья Лоренс официально заявил, что британская переводческая команда будет в городе 7 ноября. О соответствующих действиях советской стороны вспоминает **синхронная переводчица Т.С. Ступникова: «Оказалось, что вначале советская делегация... прибыла в Нюрнберг без переводчиков, ибо наши руководящие товарищи были убеждены в том, что в американской зоне американцы возьмут на себя не только решение всех экономических и технических проблем Нюрнбергского процесса, но и перевод на четыре языка: английский, немецкий, русский и французский. Когда же выяснилось, что синхронный перевод в зале суда разрешён только на родной язык переводчика и что, следовательно, перевод на русский с английского, немецкого и французского должен осуществляться советскими синхронистами, об этом сообщили в Москву, и там начали судорожно искать переводчиков с трёх других официальных языков процесса на русский. В то время это оказалось довольно сложным делом. Поэтому-то поиски переводчиков и были поручены... НКВД–КГБ, которому надлежало выполнить задание чуть ли не за одну ночь. Прекрасно вышколенные сотрудники этого... ведомства за 24 или (я уж не знаю точно) даже за 12 часов выполнили задание и доставили часть советских переводчиков в Нюрнберг непосредственно перед открытием процесса»** [Ступникова, 2003, с. 14–15].

Как бы то ни было, к началу Суда истории все переводческие команды были сформированы и готовы к работе.

Гордость и убеждения

Иногда во время работы переводчики проявляли своеволие, которое объяснялось, однако, лишь стремлением защитить собственное достоинство и не изменить своим моральным принципам. В этой связи характерен эпизод, имевший место на одном из предварительных допросов Германа Геринга, впоследствии обвиняемого № 1 на Нюрнбергском процессе. Устным переводчиком на этом допросе работал упомянутый выше Рихард Зонненфельдт.

Рихард Зонненфельдт – человек удивительной судьбы, достойной приключенческого романа. Сын немецких евреев, в 1938 г. он с братом при помощи родителей бежал из нацистской Германии в Англию. Рихарду было всего 15 лет и, по его собственному признанию, он знал по-английски меньше сотни слов. В последующие семь лет судьба забрасывала юного Зонненфельдта сначала в Австралию, потом в Индию и, наконец, в США. Войну он окончил рядовым американской армии, в составе которой успел принять участие в Арденнской операции и освобождении узников концентрационного лагеря Дахау. За это время Зонненфельдт выучил английский язык настолько хорошо, что в 1945 г. был назначен старшим переводчиком американской делегации в Нюрнберге.

Когда в самом начале допроса Геринг попытался исправить перевод Зонненфельдта, этот 22-летний молодой человек решил преподать бывшему рейхсмаршаллу и наци № 2 урок хороших манер. Сам Зонненфельдт так описывает свои последующие действия: «Я сказал: “Господин Gering (намеренно искажив его фамилию так, как это делали в Германии, когда я был ещё ребёнком; слово “gering” по-немецки означает “ничтожество”), когда я перевожу вопросы полковника на немецкий и ваши ответы на английский, прошу вас молчать до тех пор, пока я не закончу. После того как стенографистка запишет мой перевод, можете сказать мне, что конкретно вас не устраивает, а я уж решу, следует ли принимать к рассмотрению ваши комментарии. Впрочем, если хотите отвечать на вопросы без участия переводчика, так и скажите. Я буду только слушать и поправлять вас».

В его глазах вспыхнула зловещая искра. Он долго сверлил меня молчаливым взглядом и наконец сказал: “Моя фамилия Göring (Гёринг), а не Gering (Геринг)”. Мой ответ был таким: “Я здесь старший переводчик. Если вы больше не будете перебивать меня, я не буду искажать вашу фамилию, г-н Göring”. Полковник Эймен наблюдал за выражением наших лиц во время этой короткой беседы. Я повернулся к нему и сказал: «Заключённый Геринг готов отвечать на ваши вопросы» [Sonnenfeldt, 2006, p. 17–18]. Результат этой словесной дуэли был довольно интересным: в дальнейшем Геринг настаивал на том, чтобы именно Зонненфельдт переводил его на допросах.

19 октября 1945 г. Рихард Зонненфельдт зачитывал заключённым Нюрнбергской тюрьмы предъявляемые им обвинения. Тогда Геринг обратился к нему с любопытными словами: «Отныне хороший переводчик мне нужен даже больше, чем хороший адвокат» [ibid., p. 43].

Другой показательный пример – **отказ некоторых переводчиков, прежде всего женщин, переводить неприличные высказывания выступавших или же стремление такие выражения смягчить.** Причиной

тому был, очевидно, строгий внутренний цензор, выработанный хорошим воспитанием и образованием. Так, **один свидетель со стороны защиты рассказывал о «гуманных» условиях, созданных для узников одного из рабочих лагерей, в котором якобы имелись библиотека, бассейн и даже бордель. Молодая американская переводчица, переводившая показания этого свидетеля на английский, на последнем его слове запнулась и замолчала.** Председательствующий судья Лоренс вмешался с вопросом: «Так что у них там было?» [Gaiba, 1998, p. 107] В этот момент раздался мужской голос начальника смены переводчиков: «БОРДЕЛЬ, Ваша честь!» [ibid.] Зал суда взорвался смехом.

Другая синхронистка, переводившая показания охранника одного из концентрационных лагерей, намеренно подбирала эвфемизмы для его наиболее резких высказываний. Например, выражение «на евреев можно было мочиться» [ibid.] она передала 80 как «на евреев можно было не обращать никакого внимания» [ibid., p. 107–108].

В обоих случаях переводчиц пришлось заменить, так как они, по мнению Альфреда Стира, серьёзно искажали оригинальные свидетельские показания.

Иногда возникали совсем комичные ситуации. Заместитель главного советского обвинителя полковник Ю.В. Покровский однажды беседовал со своими англоязычными коллегами, из которых кто-то вдруг употребил идиому “to throw the baby out with the bath water” (дословно: выплеснуть младенца вместе с водой), т.е. вместе с несущественными деталями упустить главное. Услышав эти слова, юная советская переводчица вспыхнула и решительно заявила по-английски: «Я не буду это переводить! Очень неприятное выражение!» [Nolan, 2007, p. 67]. Впрочем, идиому начальникам она всё же перевела, но не дословно, а просто разъяснив своими словами её смысл.

Под прицелом каждое слово

Одно-единственное слово, произнесённое кем-либо в суде, могло нередко оказать серьёзное влияние на ход процесса, а то и решить судьбу одного или нескольких обвиняемых. Это понимали все, от судей до подсудимых, но лучше других – синхронисты, поэтому старались **«обеспечить предельную точность перевода»** [Ступникова, 2003, с. 107], памятуя о том, что именно **переводчика «действующие лица, когда дело принимает нежелательный оборот, превращают в козла отпущения»** [там же].

Обвиняемые нередко начинали свои ответы со слова “Ja”, которое в дословном переводе (т.е. «да») могло быть приравнено к признанию вины. Обвинитель, например, задавал такой вопрос: «Осознавали ли вы тогда, что ваши действия носят преступный характер?», на что обвиняемый отвечал: “Ja...”. Однако в данном случае слово “Ja” служило всего лишь заполнителем паузы, требовавшейся подсудимому для размышлений, т.е. чем-то вроде русского «ну». **Петер Юбералль обязал синхронистов с особым вниманием относиться к этому проблемному немецкому слову и не переводить его как положительный ответ до тех пор, пока не будут полностью убеждены в том, что обвиняемый с его помощью действительно выражает согласие с утверждением обвинителя,** «...в противном случае по вашей вине человека могут признать виновным в том, чего он не совершал, и повесить. Ведь как только слово “да” фиксируется в протоколе, произнёсший его, считайте, обречён» [Gaiba, 1998, p.106].

Иногда переводчики слишком увлекались приёмом речевой компрессии, нередко из-за высокого темпа речи выступавших. Свидетель по фамилии Пайн (Pine) впоследствии вспоминал: «...председательствующий судья сделал при всех замечание переводчице: “Послушайте, я хочу, чтобы вы переводили абсолютно точно всё, что я говорю. Вам ясно?” Та кивнула, и судья дал мне понять, что я могу продолжать, сказав “Да, г-н Пайн?” Переводчица тут же перевела: “Ja, Herr Tannenbaum?”» [ibid., p. 107].

Ещё один интересный эпизод свидетельствует о том, что **случайно обронённое слово порой может о многом сказать тому, кто понимает его значение и особенности употребления.** Как известно, до и в начале процесса подсудимый Рудольф Гесс успешно симулировал потерю памяти, таким образом пытаясь уйти от ответов на неудобные вопросы обвинения. Специально созванная медицинская комиссия, в которую вошли маститые психологи и психиатры, должна была выяснить, вменяем ли Гесс или же только разыгрывает роль страдающего амнезией. Во время одного из медосмотров, на котором присутствовал Рихард Зонненфельдт, Гесс вдруг произнёс слово “**Kladde**”, которое на немецком студенческом сленге означает папку для бумаг. Зонненфельдт так описывает свою реакцию: «“Kladde? – спросил я. – Что это такое?” “Даже не знаю, почему я вдруг употребил это слово”, – признался Гесс.

Но мне не дали исследовать промах Гесса до конца, так как учёные мужи, не говорившие по-немецки, не поняли, что это **молодёжное жаргонное словечко вряд ли могло оказаться в лексиконе человека, страдающего потерей памяти**» [Sonnenfeldt, 2006, p. 34].

Во власти Деймоса и Фобоса

Нюрнбергские синхронисты трудились в крайне напряжённой и нервной обстановке. В ходе заседаний им очень часто приходилось видеть и слышать вещи, сеющие в душу страх и ужас, вызывающие отвращение и праведный гнев. Не всем удавалось совладать с эмоциями...

Бывали случаи, когда переводчики просто умолкали, будучи не в силах переводить свидетельские показания о жестоком обращении с узниками концентрационных лагерей. Молодая еврейская переводчица, блестяще справившаяся с предварительным тестом, не смогла переводить на рабочем заседании Трибунала. Она разрыдалась прямо в переводческом «аквариуме» и позже сказала начальнику смены: «Эти люди погубили двенадцать из четырнадцати членов моей семьи» [Gaiba, 1998, p. 81].

По признаниям многих синхронистов, их мучили ночные кошмары после просмотров на заседаниях американских документальных фильмов о немецких концлагерях.

За цифрами сухих статистических отчётов, оглашавшихся на суде, стояли трагические судьбы миллионов жертв нацистов. «Бывший министр [Шпеер] сознался, что он прекрасно понимал, что рабочие были отправлены в Германию из стран Европы против своей воли. Но своей задачей он всегда считал, чтобы таких насильственно пригнанных было в Германии как можно больше.

Признаюсь, что переводить эти слова мне было трудно. Подсудимый говорит: “Как можно больше!”, а я мысленно уже готовлюсь сказать: “Как можно меньше!” Или я не должна верить своим глазам, убеждающим меня, что передо мною человек – подобие образа Божия, или я неверно расслышала эту чудовищную фразу: «Да, их гонят насильно, но пусть пригонят как можно больше!» [Ступникова, 2003, с. 14].

Юмор как лучшее средство от стресса

Несмотря на предельную психологическую нагрузку, переводчики временами позволяли себе немного пошутить даже во время работы. Так, Петер Юбералль вспоминал забавный эпизод, главными героями которого стали один из синхронистов и председательствующий судья Лоренс: «Помнится, однажды он [Лоренс] задремал... переводчик с немецкого на английский понизил голос, а затем **ВДРУГ НАЧАЛ ПЕРЕВОДИТЬ ОЧЕНЬ ГРОМКО.** Лоренс вздрогнул и вскинул голову, а мы с улыбками переглянулись» [Gaiba, 1998, p. 128].

Подшучивали переводчики и друг над другом. Татьяна Ступникова вспоминала: «Захожу в комнату переводчиков рядом с залом суда, чтобы попрощаться с нашими зарубежными коллегами. И здесь они мне неожиданно объявляют, что я должна тянуть жребий, а жребий решит: кто из переводчиков будет работать во время казни. Я всячески сопротивляюсь, но меня заставляют тянуть из ящика аккуратно свёрнутую бумажку с роковым решением. Моё “счастье” мне не изменило: идти на казнь выпадает именно мне. Мои решительные протесты не имеют успеха... до тех пор, пока в дверях не появляется очередная жертва и весь розыгрыш не повторяется сначала. Так шутили в Нюрнберге переводчики-синхронисты» [Ступникова, 2003, с. 190].

Впрочем, и сами переводчики иногда становились предметом шуток. Тоненькие возбуждённые голоса молодых синхронисток, переводивших свидетельские показания матёрых нацистских генералов, невольно вызывали улыбки у присутствующих в зале. Генерал-майора Эрвина Лахузена, потомственного аристократа, выступавшего свидетелем на суде, переводил не очень образованный германо-американец. Вылушав его перевод, заместитель председательствующего судьи Биркетт спросил: «Что это был за язык?» «Бруклинский», – ответил Стир [Gaiba, 1998, p. 107].

Сочувствие или профессиональная этика?

Интересно проанализировать душевное состояние синхронистов, чтобы понять, какие чувства они испытывали к главным военным преступникам в ходе процесса. Для этого необходимо иметь определённое представление о двух сущностных и на первый взгляд взаимоисключающих характеристиках синхронного перевода. Первая, например, так выражена известным российским переводоведом Г.В. Черновым: «Практическая деятельность синхронного переводчика успешна тогда, когда его не замечают. Чем меньше видна индивидуальность переводчика, чем точнее его перевод, чем чётче и спокойнее его речь, тем менее он заметен, тем более естественным становится акт коммуникации» (курсив мой. – Р.М.) [Чернов, 2007, с. 4]. Вторая характеристика состоит в том, что «у многих переводчиков... есть в ментальности игровое, актёрское начало» [Виссон, 2007, с. 37]. Таким образом, **на Нюрнбергском процессе синхронист словно бы оказывался меж двух огней: с одной стороны, кто-то мог обвинить его в равнодушии и безучастном отношении к преступлениям тех, кого он переводил; с другой стороны, его можно было заподозрить в сочувствии и даже симпатии по отношению к нацистским главарям.** Однако за видимой стороной деятельности синхронных переводчиков, независимо от их стиля

работы, скрывались все те искренние переживания и плоды осмысления того, чему они стали свидетелями на процессе. Очень ярко эти переживания и мысли, собственные и своих коллег, описала Т.С. Ступникова, которая на допросе Заукеля сполна проявила своё актёрское начало, увлечшись разыгрывавшейся на её глазах драмой, и которую из-за этого можно было уличить в том, что она «проявила сочувствие к Заукелю и даже оплакивала его судьбу» [Ступникова, 2003, с. 132]: «...слушая их диалоги с защитниками и обвинителями, я иногда ощущала острое желание высунуть голову из нашего переводческого “окопа” и громко крикнуть судьям: “Этого надо повесить. По его вине на полях сражений и в концентрационных лагерях погибли тысячи отцов, мужей и сыновей!” Или: “Он не пожалел даже немецких детей, послав их в последние дни войны защищать бесноватого фюрера!” Или: “Он замучил тысячи ни в чём не повинных граждан Европы, угоняя их в Германию!” Или: “Он вешал и резал, как скотину, своих соотечественников!” Или: “Он преследовал и зверски уничтожал людей только за то, что они, по его мнению, не принадлежали к арийской расе!”» [там же, с. 167]. Но этот крик души оставался неслышен для окружающих, ведь переводчики, связанные клятвой переводить всё услышанное «точно, полно и правдиво» [Sonnenfeldt, 2006, p. 16], не имели права озвучивать свои мысли.

«Вы сокращаете мне жизнь на несколько лет!»

А что же подсудимые? Как они относились к синхронистам? **Некоторые, в особенности Геринг и Розенберг, часто и довольно жёстко их критиковали.** Геринг намеренно использовал свои нападки в качестве тактического приёма, хотя открыто признал эффективность синхронного перевода во время процесса и заметил однажды синхронистам: «Вы сокращаете мою жизнь на несколько лет!» [Gaiba, 1998, p. 110].

Другие подсудимые, напротив, с большим уважением относились к труду устных переводчиков и стремились им помогать. Ещё до начала процесса во время бесед с американским военным психологом Леоном Голденсоном заключённый Ганс Франк учтиво обращался к переводчику Голденсона Триесту «господин переводчик» [Голденсон, 2008, с. 61]. Альберт Шпеер не скрывал своего восхищения работой синхронистов и переводческим оборудованием. В своих мемуарах он пишет: «Однако в зале суда мы видели только враждебные лица, встречали ледяные догмы. Исключением была будка синхронных переводчиков. Оттуда можно было ожидать дружеский кивок» [Gaiba, 1998, p. 129]. **Много места в своих мемуарах уделил синхронистам Ганс Фриче.** В ходе процесса он даже

написал «Рекомендации для выступающих», которые раздал всем остальным подсудимым. **Рекомендации носили лингвистический характер.** Например, Фриче советовал соседям по скамье во время выступлений строить предложения таким образом, чтобы смысловой глагол оказывался в них как можно ближе к началу, что значительно облегчало работу синхронистам. Ялмар Шахт, выросший в Бруклине и прекрасно говоривший по-английски, а также уже упомянутый Шпеер нередко помогали синхронистам, подсказывая им эквиваленты проблемных немецких слов и выражений. Такое сотрудничество не должно вызывать недоумение или неприязнь у читателя. По справедливому замечанию переводоведа Франчески Гайбы, подсудимые «считались невиновными, пока обратное не было доказано судом. В конечном итоге два наиболее настроенных на сотрудничество подсудимых, Фриче и Шахт, были оправданы» [ibid., p. 130].

Процесс шести миллионов слов

Нюрнбергский процесс завершился 1 октября 1946 г. объявлением главным нацистским преступникам приговоров, воспринятых «с удовлетворением... всем прогрессивным человечеством» [Нюрнбергский процесс..., т. V, с. 11]. Специалисты подсчитали, что **на судебных заседаниях было произнесено свыше 6 миллионов слов**, которыми красноречиво выразилась трагедия самого масштабного военного конфликта в истории человечества. Слово, как известно, может разить не хуже настоящего оружия. Синхронные переводчики принимали самое непосредственное участие в словесной войне, которой явился Нюрнбергский процесс, постоянно находились на острие вербальных атак и иногда терпели поражение, но чаще совершали переводческие подвиги, несмотря на порой глубокие душевные раны. Каждый из синхронистов был полноправным участником этого грандиозного исторического события и поэтому мог вслед за всеми, кто внимательно следил за происходившим в зале № 600 нюрнбергского Дворца правосудия, сказать о себе словами Публия Теренция: “*Номо sum: humani nihil a me alienum puto*”, т.е. «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо!»

Список литературы

Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. 7-е изд. М.: Р. Валент, 2007. 320 с.

Голденсон Л. Нюрнбергские интервью / Пер. с англ. Б. Кобрицова. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. мат-лов: В 7 т. Т. I. Подготовка суда. Открытие процесса. Вступительные речи главных обвинителей. Заговор / Под общ. ред. Р.А. Руденко. М.: Государственное изд-во юрид. литературы, 1957. 800 с.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. мат-лов: В 7 т. Т. V. Допросы подсудимых и речи адвокатов Под общ. ред. Р.А. Руденко. М.: Государственное изд-во юрид. литературы, 1957. 884 с.

Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции / Под ред. Н.С. Лебедевой, В.В. Ищенко; сост. Ю.М. Коршунов. М.: ИВИ РАН, 2007. 267 с.

Ступникова Т.С. Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. 2-е изд. М.: Возвращение, 2003. 200 с.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 208 с.

Gaiba, Francesca. The Origins of Simultaneous Interpretation: The Nuremberg Trial. Ottawa: University of Ottawa Press, 1998.

Nolan, James. Interpretation: Techniques and Exercises. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2008.

Sonnenfeldt, Richard W. Witness to Nuremberg. New York: Arcade Publishing, 2006.

Матасов Р. Синхронные переводчики на Нюрнбергском процессе: *Humani nihil a me alienum puto* // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2010. – № 2. – С. 74-85.